

Институт. Начало службы

Институт

Летняя Москва 1945 года встретила приветливым солнечным днем, шумом и вокзальной суетой. Не терпелось выйти в город, однако на платформе пришлось простоять минут пятьдесят: ограничение на въезд в столицу, как для иностранцев, так и для иногородних граждан СССР, еще не было отменено. Поэтому милиция и военная комендатура при выходе проверяли паспорта, пропуска и командировочные удостоверения у всех пассажиров.

Пройдя контроль, поехал к родственникам на станцию Подлипки, теперь – город Королев.

Назавтра приехал в Институт – просторное красивое здание бывшего Императорского лицея памяти цесаревича Николая, построенное в 1875 году на берегу Москвы-реки у Крымского моста по проекту архитектора Вебера. Это было высшее учебное заведение для детей дворян и крупной буржуазии. Оно приравнивалось к Царскосельскому лицейу, а в правах – к Московскому университету. Среди его выпускников были сыновья Л.Н. Толстого и потомок псковских воевод – Сергей Владимирович Симанский, будущий (1945–1970 годы) Патриарх Московский и Всея Руси.

На доске около приемной директора Института висел список абитуриентов, вызванных на собеседование на этот день. Без малого – сорок человек.

Заседание мандатной комиссии проходило в кабинете директора. Один за другим выходили из директорского кабинета абитуриенты. Одни – веселые. Они с удовольствием рассказывали, о чем их спрашивали и как они отвечали. Другие – грустные. Эти уходили молча.

Подошла моя очередь. Волновался, конечно, но собрался и пошел смело. За длинным зеленым столом сидело человек пятнадцать генералов и полковников от дипломатии. Возглавлял комиссию начальник управления кадров МИД СССР, Чрезвычай-

чайный и полномочный посланник второго класса М.А. Си-лин. Расспрашивали о родителях, учебе, откуда приехал. Услышав «Архангельск», один генерал сказал: «Земляк Ломоносова». И все заулыбались.

Во второй половине дня появился список счастливых, прошедших собеседование. Он был вполуполовину меньше предыдущего. С бьющимся сердцем подходил я к нему, и, увидев свою фамилию, чуть не запрыгал от радости.

После объявления результатов работы мандатной комиссии начальник курса – Николай Николаевич Комов – поздравил нас с поступлением и пожелал хорошего отдыха. Я тут же поехал за вещами, а затем на вокзал. Билетов в кассе не было. Вышел на перрон. К поезду были прицеплены три теплушки. Это – двое суток без света, воды и туалета, но все-таки шанс, который нельзя упустить! Подошел к пожилому и добродушному контролеру, стоявшему у одной из теплушек, сунул ему в руку сумму, равную стоимости билета. Он тихо буркнул: «Проходи!»

Через двое суток, черный от пота и пыли приехал домой. Поделился радостью с домашними, отмылся в бане и пошел в школу. Все, кого я там встретил, искренне поздравляли с поступлением, желали успехов и, главное, поскорее стать послом. И не меньше! А мои друзья, учившиеся в Мореходном училище, одном из старейших в России, хотели видеть меня консулом в Марселе. Будущим капитанам и механикам, готовившимся к заграничным плаваниям, «свой человек» в этом веселом городе мог пригодиться.

Занятия в том году начинались 15 сентября. Приехав 13 сентября, получил в секретариате студенческий билет, продуктовые и обеденные карточки и направление в общежитие.

До сих пор нас – выпускников МГИМО – иногда спрашивают: «Зачем в военное лихолетье надо было создавать Институт международных отношений? Была Высшая дипломатическая школа, там готовили дипломатов. Неужели не хватало кадров?»

Да, грамотных специалистов в области международных отношений в стране в то время не хватало: наиболее опытные сотрудники НКВД, как и многие средние и высшие командиры армии, сотрудники органов госбезопасности, погибли в годы репрессий, в ходе финской и Великой Отечественной войн.

И после разгрома гитлеровских войск под Сталинградом руководство страны озаботилось послевоенной жизнью. В феврале 1943 года в Государственном комитете обороны и на Кол-

легии НКВД СССР обсуждался вопрос о подготовке специалистов для широкой международной деятельности в послевоенный период. И было признано необходимым создать специализированное высшее учебное заведение. И уже 31 августа СНК СССР принял постановление «Об организации в составе МГУ имени М.В. Ломоносова факультета международных отношений». Через год факультет был преобразован в Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) НКВД СССР.

Это объяснялось тем, что в тот период страны – участницы антигитлеровской коалиции решали вопрос о создании Организации Объединенных Наций, а руководство СССР хотело сделать ее членами все 16 существовавших в то время союзных республик. Предполагалось также развивать широкие международные связи и по другим направлениям, поэтому требовалось значительно больше специалистов-международников, чем было предусмотрено раньше.

Общежитие – неповторимый особый мир со своими заботами, страстями и противоречиями. Населяют его живые люди, часто с полярными характерами.

Моими соседями по комнате, а потом и друзьями на всю жизнь, оказались шестеро симпатичных ребят из разных городов России. После окончания института наши пути-дороги разошлись, по-разному сложились и наши судьбы. Отрадно сознавать, что все мы, несмотря на трудности, невзгоды и несчастья, не свернули с выбранного пути, честно трудились и остались верны юношеской дружбе. Мы не виделись порой годами, но каждая встреча, будь она в Москве или за границей, была для нас праздником. Нам было о чем поговорить, было что вспомнить.

Первый раз всем курсом мы собрались 17 сентября 1945 года. Нас было 386 человек. И почти половина – фронтовики, некоторые еще в погонах, люди, прошедшие суровую школу жизни, увешанные орденами и медалями. Среди них – четыре Героя Советского Союза. Была на курсе и небольшая группа ребят, пришедших от станка, а остальные – вчерашние школьники.

Все волновались, нам предстояло вместе учиться и жить, а мы были такими разными по возрасту, жизненному опыту, воспитанию, традициям и привычкам, по благосостоянию и положению родителей. Но, несмотря на все различия, мы быстро привыкли друг к другу. Получилось удачное сочетание опыта фронтовиков и производственников, отвыкших от учебы и в

какой-то степени растерявших знания, и юнцов со школьной скамьи, для которых институт был продолжением школы. Мы учились у старших ответственному отношению к делу, подражали им. Мы обязаны фронтовикам и за сплочение коллектива, и за уроки жизни. Разница в возрасте и опыте, шокировавшая нас в первые дни, скоро стерлась, и разнородный коллектив стал дружным, сплоченным и представлял собой прекрасный материал для подготовки качественно нового поколения работников в области внешней политики.

Мне не раз задавали вопрос: «Как ты — житель глубинной северной деревни — попал в МГИМО? Ведь это элитарный институт!? Многие москвичи не могут туда поступить. Кто тебе помог?» Никто мне и моим друзьям, с которыми я жил и учился, не помогал. Связей, способных сделать это, у нас не было. В ту пору нам были неведомы «блат» и «репетиторство». Помогла нам всем, конечно, школа. Несмотря на трудности лихолетья, и в сельских школах тогда хорошо учили. Помогли мне и родители: они меня вырастили и научили работать. Огромная им сыновья признательность.

Были ли у меня какие-то преимущества перед другими абитуриентами? Перед фронтовиками, конечно, нет. Перед производственниками — не знаю. Думаю, тоже нет. А перед выпускниками средних школ, пожалуй, были. Еще школьником я стал кандидатом в члены ВКП(б), членом райкома комсомола. Имел блестящую характеристику райкома партии, в которой говорилось, что, будучи учеником 8–10 классов, я успешно готовил в системе Всевобуча пополнение для армии, за что был награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов».

А был ли наш институт «элитарным»? Был! И это мы поняли, когда поучились и послушали таких корифеев науки, как Е.В. Тарле, Н.Н. Баранский, В.Н. Дурденевский, С.Б. Крылов, Р.З. Манфред, И.А. Витвер, В.С. Сидорин и многих других академиков и профессоров старой университетской формации.

«Элитарным» в негативном смысле он стал, когда в него закрыли доступ «кухаркиным» детям. И, думается, «расслоение» студенческого коллектива началось уже в сентябре 1946 года, когда, «в порядке исключения», в институт было принято 40 девушек, но какие фамилии! Молотова, Жукова, Косыгина, Мухина и другие. «Дамские отпрыски благородных семейств», — как сказал один из моих однокурсников.

Руководство МИД СССР и дирекция института организовали учебный процесс так, что семинарские занятия по многим дисциплинам и курсам по международной политике, дипломатическому протоколу вели ответственные сотрудники МИД СССР, сочетавшие практическую работу с научной и преподавательской деятельностью. Семинарские занятия по философии в моей группе, к примеру, вел советник первого класса, впоследствии Чрезвычайный и полномочный посол СССР, А.А. Рощин. Руководителем моей дипломной работы по новой французской конституции был сотрудник отдела стран Западной Европы кандидат исторических наук Покровский.

МГИМО создавался как центр подготовки специалистов-международников широкого профиля. Однако скоро руководство института поняло, что усвоить всю массу учебной и дополнительной литературы студентам не по силам, и была введена специализация. Появились историко-международный и международно-правовой факультеты. Я выбрал международно-правовой.

В институте мы получили разностороннее специализированное и одновременно достаточное общее образование. Благодаря этому все были востребованы. Своих сокурсников я встречал на партийной и советской работе, в МИДе, ВОКСе, КГБ, министерстве обороны и других учреждениях госаппарата, в средствах массовой информации, научно-исследовательских и учебных институтах, в музее Ленина и в Патриархии, в спортивных организациях.

Мы старательно учились, но и помнили слова поэта: «Блажен, кто смолоду был молод...». И, понятно, «нас смущали инязовских девушек глазки». И не только инязовских. Очень милые девушки были во многих московских институтах, куда мы частенько ходили на вечера, и там многие нашли себе судьбу — единственную и неповторимую. На третьем курсе я познакомился с умной, милой и красивой девушкой Ниной, студенткой медицинского института. В сентябре 1949 года мы поженились.

Осенью 1949 года произошло необыкновенное по тем временам событие: мы с женой попали на экскурсию в... Кремль. Сейчас, купив в городской кассе билет на спектакль в Кремлевский дворец съездов или в Алмазный фонд, свободно проходишь на территорию Кремля и любишь Царь-пушкой, а тогда такую «вольность» и представить было невозможно.

Партком и дирекция МГИМО решили, что было бы неплохо показать будущим дипломатам, но на первый случай не всем, а только партийно-комсомольскому активу, место, где жил и работал создатель Советского государства В.И. Ленин и где продолжает его дело товарищ И.В. Сталин. Неделю заняло составление предварительного списка экскурсантов. Потом, подписанный директором и секретарем парткома, скрепленный гербовой печатью института, он был передан коменданту Кремля.

Утром в будний день за полчаса до назначенного времени мы собрались у Боровицких ворот. Тщательная проверка документов. Никаких свертков и сумок, фотоаппаратов проносить не разрешалось. И обязательный вопрос: «Есть ли у вас оружие?»

Территория Кремля. Первое впечатление – красивый, но покинутый жителями, город. На огромной площади ни одной живой души, если не считать часовых на Кремлевской стене и при входе в Большой Кремлевский дворец. Рассказ экскурсовода о кремлевских храмах, о Царь-пушке и Царь-колоколе. Обо всем этом слышали и даже на картинках видели. А тут – воочию смотрим. Впечатляют и размеры, и вес.

Большой Кремлевский дворец. Снова проверка документов и снова вопрос: «Есть ли у вас оружие?» Георгиевский зал. Зал заседаний Верховного Совета СССР. Зал, где завтракают и обедают народные избранники во время сессий Верховного Совета. Оружейная и Грановитая палаты. Квалифицированные экскурсоводы рассказывают о хранящихся в музеях предметах старины, о сокровищах, не имеющих цены, о картинах, холодном оружии и пр.

Все было крайне интересно, и мы зачарованно смотрели и на шапку Мономаха, и на искусство оружейных и каретных дел мастеров, на украшения и платья Екатерины и Елизаветы, на личные вещи Петра Великого.

Первый год семейной жизни особенно памятен. Учились жить своим домом, никто нас не поучал, никто ни во что не вмешивался. Все – хорошее и плохое – только наше. Трудновато иногда бывало, но не унывали. Веселились и гостей принимали: моих друзей, окуловских и институтских, подружек жены.

Сдав зимнюю сессию, мы поехали в Архангельск. Там была «настоящая», как говорила мама, свадьба, веселая и многолюдная. Кричали «горько» и целовались, танцевали и пели.

Вернувшись из Архангельска, я засел за диплом и подготовку к государственным экзаменам.

«Вас вызывают в ЦК КПСС!»

Последняя студенческая весна. Защита диплома, государственные экзамены и впереди работа. А где? По диплому я — юрист-международник, референт-переводчик по Франции, и видел себя сотрудником МИД СССР, а впоследствии — советского посольства в Париже.

Многие мои товарищи получили направления в различные учреждения, в том числе и в МИД, а меня никто никуда не приглашал. И тут начальник курса говорит: «Вас завтра вызывают в ЦК КПСС! Вход по партбилету. Пропуск заказан».

В назначенное время приехал на Старую площадь, получил пропуск. Длинные пустые коридоры, ковровые дорожки и тишина. Вот и нужный кабинет. Рядом большой холл. Мягкая мебель, стол с телефонным аппаратом. Тут посетители ждут вызова. Звонит телефон. Кто-то из присутствующих снимает трубку, слушает, а затем называет фамилию одного из приглашенных и номер кабинета, где его ждут. Пришла моя очередь. Пошел спокойно. Бояться было нечего. Хотелось только скорее узнать, что меня ждет.

Хозяин кабинета — крупный мужчина лет пятидесяти в отличном шитом темном-синем костюме с депутатским значком на лацкане пиджака — приглашает сесть. На лице улыбка. Для начала неплохо. Справа от него — генерал-полковник. Тоже улыбается. Слева — генерал-лейтенант. Этому явно скучно. За приставным столом, напротив меня, еще один генерал-лейтенант. Длинное грубое лицо. Никакого намека на улыбку. За столом для заседаний — два генерал-майора и несколько человек в штатском.

Хозяин кабинета уточнил фамилию, имя, отчество. Спросил о родителях и стал задавать вопросы:

— Вы женаты? Давно? Чем занимается жена?

— Почти год. Студентка, в следующем году оканчивает медицинский институт.

— Не болтлива? Сплетнями не занимается?

— Нет. Скромна. Деловита. Лишнего не скажет.

— Это хорошо. Какая у вас специальность? Ваши намерения по окончании института?

— Юрист-международник, референт-переводчик по Франции. Хочу работать в министерстве иностранных дел.

— Отлично. В МИДе поработать вы успеете. А пока вам надо еще год поучиться.

– Учиться полезно. Но я хотел бы попробовать свои силы и применить полученные знания на практике. И так уже проучился пятнадцать лет подряд.

– И все-таки мы вам предлагаем еще год поучиться.

– Я хочу работать.

Тут в голосе хозяина появился металл:

– Мы же не в балетную школу вас направляем, а в Высшую разведывательную школу. Окончите, будете разведчиком и дипломатом.

– Откуда мне было знать, чему и где я должен учиться?!

– Согласны? Не струсите?

– Согласен. Не струшу.

– Подождите за дверью, – сказал хозяин кабинета. – Мы посоветуемся.

Жду. Разведывательная школа. Интересно, конечно, но еще год учебы. Опять студенческая стипендия? И тут выходит худенький светловолосый человек с большим, как у Буратино, носом и говорит:

– Понравился! Вот направление на медицинскую комиссию. Через недельку позвони мне по этому телефону.

Была середина дня, и я сразу направился в поликлинику. Поднялся на второй этаж и нажал кнопку звонка. Дверь открыл молодой человек с военной выправкой, но в гражданском костюме. Внимательно проверив паспорт и направление, сказал: «Пройдите в регистратуру. Направо». Миловидная женщина выписала направления на анализы и назначила время приема специалистами. За два дня я прошел полное обследование.

В условленный день звоню «Буратино» (под этим прозвищем или, как говорят в разведке, «кличкой», долгие годы жил и работал замечательный человек, сотрудник кадрового аппарата, Василий Афанасьевич).

– Поздравляю! Комиссия признала вас годным к работе в условиях жаркого влажного климата. На днях будет подписан приказ о зачислении вас на службу. Перезвоните дней через десять. До свидания.

Утром 11 июля 1950 года я встретил жену. Она приехала из Ржева, где проходила практику. Потом нам вручили дипломы, а в 18.00 собрались в ресторане «Аврора» на выпускной, а со многими – и на прощальный вечер. В тот памятный день в мир вышло 295 молодых специалистов-международников, считавших своей главной задачей защищать национальные интересы

Отечества, беречь традиции МГИМО и в любых, даже самых сложных ситуациях не терять себя.

Во время очередного разговора Василий Афанасьевич сказал, что я зачислен на службу с 13 июля 1950 года. 30 августа мне надлежит прибыть в отдел кадров, имея при себе документы, рубашки, галстуки, белье и туалетные принадлежности. Потом добавил, что домой вернусь только в субботу вечером. Пожелал весело провести каникулы и уточнил, что зарплата начисляется с 13 июля. С этой даты и начался мой стаж сотрудника разведки, закончившийся 9 апреля 1991 года.

Отдыхая, я не переставал думать, кто со мной беседовал в ЦК КПСС? Кому я «понравился», как сказал «Буратино». Теперь уж не помню как, но узнал, что беседа проходила в кабинете заведующего отделом административных органов ЦК КПСС. С ним были: генерал-полковник Ф.И. Голиков – начальник Главного управления кадров Министерства обороны СССР, генерал-лейтенант П.В. Федотов и генерал-лейтенант С.Р. Савченко – заместители председателя Комитета информации при МИД СССР. О двух генералах, сидевших за столом для заседаний, речь впереди.

Высшая разведывательная школа

30 августа 1950 года мы, бывшие студенты МГУ, МГИМО, МВТУ, слушатели Высшей дипломатической школы, а также группа офицеров вооруженных сил, явились в отдел кадров Комитета информации при МИД СССР. Там сели в грузовики, переоборудованные для перевозки людей, и отправились в учебное заведение, о котором не имели никакого представления.

Из истории альма-матер российских разведчиков

3 октября 1938 года народный комиссар внутренних дел СССР издал приказ о создании специального учебного заведения разведывательного профиля – Школы особого назначения (ШОН) Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР в целях стационарной централизованной подготовки квалифицированных кадров разведчиков. Этим приказом с 1 октября вводились штаты нового учебного заведения, а с 23 октября 1938 года началась его практическая работа. Слу-

шатели школы подбирались в основном из числа гражданских лиц, имевших высшее образование.

Первым начальником Школы особого назначения был подполковник Владимир Харитонович Шармазанашвили, грузин, родившийся в Северной Осетии, в Дзауджикау (Владикавказ). Ровесник XX века, он в 18 лет вступил в ряды Красной армии, а в 1921 году его направили на работу в органы госбезопасности. Тяга к знаниям привела его в Московский институт внешней торговли, где он изучил немецкий и французский языки. У него не было за плечами большого опыта разведывательной работы, но хорошая подготовка, знание двух иностранных языков, а главное – хорошие организаторские способности преопределили выбор руководства НКВД при отборе кандидатуры на пост начальника ШОН. Как вспоминали выпускники первого набора, Владимир Харитонович был «замечательный грузин, общительный, всегда оптимистично настроенный и по натуре – демократ».

С помощью профессионалов-практиков центрального аппарата внешней разведки, за плечами которых были многие годы напряженной деятельности в загранаппаратах, руководству школы удалось в сжатые сроки создать уникальное учебное заведение. Преподавали в ШОН такие выдающиеся разведчики, как Павел Журавлев, Василий Зарубин, Василий Пудин, Павел Судоплатов и другие опытные профессионалы. Выпускники ШОН вписали яркие страницы в летопись внешней разведки накануне и в годы Великой Отечественной войны.

В 1943 году в соответствии с решением Государственного комитета обороны по дальнейшему совершенствованию разведывательной деятельности на базе ШОН была создана Разведывательная школа (РАШ) НКГБ СССР. При этом были существенно повышены требования к подготовке молодых разведчиков, расширена учебная программа, началась разработка стройного, систематизированного курса специальных дисциплин, активизировалась деятельность кафедр западных и восточных языков.

Усложнение поставленных перед разведкой задач в послевоенное время потребовало кардинальных изменений в организации и содержании теоретической и практической составляющих учебного процесса, уточнения и корректировки основных направлений и приоритетов разведывательной работы.

В сентябре 1948 года на базе РАШ создается Высшая разведывательная школа (более известная как Школа № 101). В ок-

тябре 1968 года за достижение высоких результатов в подготовке разведывательных кадров, в учебной, методической и научной работе она была удостоена ордена Красного Знамени.

В 1969 году руководством КГБ было принято решение выше поднять планку учебного подразделения внешней разведки, создав на базе Высшей разведывательной школы трехгодичный институт со статусом высшего учебного заведения. Институт унаследовал от Школы № 101 почетное звание «Краснознаменный», а в марте 1984 года ему было присвоено имя Ю.В. Андропова.

В различные годы в Краснознаменном институте (КИ) КГБ преподавали такие видные разведчики, ставшие впоследствии Героями Российской Федерации, как Владимир Барковский, Леонид Квасников, Александр Феклисов и Анатолий Яцков.

Краснознаменный институт КГБ просуществовал четверть века. В начале 1990-х годов Служба внешней разведки стала самостоятельным государственным органом Российской Федерации. Ее основные функции были определены законом «О внешней разведке».

Новые контуры работы, новые задачи потребовали внесения структурных изменений и в процесс подготовки российских разведчиков. 17 октября 1994 года в соответствии с Указом Президента Российской Федерации на базе КИ была создана Академия внешней разведки (АВР).

Альма-матер российских разведчиков имеет богатые традиции по воспитанию профессионалов высокого класса в духе патриотизма, верности долгу и офицерской чести. Выпускники АВР составляют костяк российской разведки.

* * *

Часа через полтора мы прибыли на территорию, обнесенную высоким зеленым забором и охраняемую военнослужащими в форме армейского образца, только черного цвета. Нас встретили те два генерала, которых я видел в ЦК КПСС, и капитан первого ранга. Первый из генералов, невысокий крепыш Вячеслав Васильевич Гриднев – начальник школы. Второй – Михаил Андреевич Аллахвердов, его заместитель. А капитан первого ранга – начальник нашего курса.

После приветствий нас пригласили в актовывй зал. Обращаясь к нам, Гриднев сказал: «Вы находитесь на территории Выс-

шей разведывательной школы Комитета информации при МИД СССР. Здесь вы будете учиться десять месяцев. На время учебы вам, в целях конспирации, будут присвоены другие фамилии. Сегодня же решим ряд других организационных вопросов».

Потом мы по одному входили в кабинет начальника отдела кадров. Там же был и начальник курса. Вошел туда и вчерашний студент МГИМО Василий Николаевич Окулов, а вышел слушатель Василий Николаевич, но с другой фамилией. В руках у него был пропуск. На внутренней стороне книжечки – фотография с оттиском большой красной печати, а на другой – красная звезда и номер. Фамилии владельца в нем не было.

Вручая пропуск, начальник курса предупредил, что настоящую фамилию нам запрещено называть не только преподавателям и обслуживающему персоналу, но и своему брату – слушателю. Тут же было сказано, что мы не имеем права сообщать своим знакомым, где учимся и где будем работать. На вопрос о месте работы рекомендовалось отвечать: «Работаю в почтовом ящике». Так зашифровывались в те годы оборонные и другие секретные предприятия.

О наших начальниках

В.В. Гриднев

Вячеслав Васильевич Гриднев родился 9 октября 1898 года в деревне Гридьково (ныне Михневский район Московской области) в крестьянской семье. В 1910 году окончил сельскую земскую школу. С 1912 по 1917 год работал на заводе в Петрограде подручным электромонтера.

В январе 1917 года Вячеслав Гриднев был призван в армию. Служил рядовым 5-й роты запасного электротехнического батальона, который дислоцировался в Петрограде и, в ходе октябрьских событий, в полном составе перешел на сторону советской власти.

В начале 1918 года электротехнический батальон, в котором продолжал служить рядовой Гриднев, был передислоцирован в Саратов. В его составе он участвовал в Гражданской войне рядовым красноармейцем 238-й полевой радиостанции штаба Восточного фронта, действовавшей в районе Симбирск–Уфа. В декабре 1918 года был принят в ряды РКП(б). С июля 1920 года – военный комиссар радиостанции поезда связи

Управления связи Красной армии на Южном фронте, а также в войсках, принимавших участие в подавлении восстания банд Антонова в Тамбовской губернии.

В сентябре 1921 года московский городской комитет партии большевиков рекомендовал Вячеслава Гриднева на работу в московскую ЧК. В качестве уполномоченного секретной оперативной части МЧК он принимал участие в разгроме подпольной анархистской организации «Набат», готовившей ряд террористических актов в Москве.

В 1924 году Гриднев окончил Высшую пограничную школу ОГПУ и был направлен для прохождения службы в Закавказский пограничный округ. Являлся комендантом участка 42-го пограничного отряда, охранявшего советско-иранскую границу, проходившую по реке Аракс. В его комендатуре было шесть застав на 170 км границы. Он принимал непосредственное участие в ликвидации бандформирований, пресечении каналов контрабанды золота и драгоценностей из нашей страны.

За мужество и героизм, проявленные при защите советской границы, приказом по Закавказскому пограничному округу Гриднев дважды награждался почетным боевым оружием.

В октябре 1932 года Гриднев был командирован в Монгольскую Народную Республику, где помогал монгольскому руководству создавать пограничные войска и службу охраны государственной границы. Он принимал непосредственное участие в ликвидации белогвардейских банд, укrywшихся на территории Монголии. Являясь сотрудником резидентуры внешней разведки в Монголии, вел активную разведывательную работу по белой эмиграции в Маньчжурии.

С апреля 1936 года Гриднев вновь в пограничных войсках НКВД. Вначале начальник Джабраильского, а потом 44-го Ленкораньского пограничных отрядов на советско-иранской границе. С августа 1939 по июль 1941 года находился на руководящей оперативной работе в Главном управлении пограничных войск НКВД СССР. В этот же период направлялся в длительную командировку в Западную Белоруссию в качестве начальника Волковысского горотдела НКВД БССР.

Особый период деятельности Гриднева связан с Великой Отечественной войной. Уже в конце июня 1941 года только что созданный Государственный комитет обороны СССР рассмотрел вопрос о работе внешней разведки и уточнил ее задачи. Они были подчинены одной цели — скорейшему разгрому врага.

В последовавшем затем постановлении ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 года предписывалось партийным организациям и органам государственной безопасности «создать невыносимые условия для германских интервентов, срывать все их мероприятия, уничтожать захватчиков и их пособников, помогать созданию партизанских отрядов, диверсионных истребительных групп».

С июля 1941 года Гриднев – в Особой группе при наркоме НКГБ по организации и формированию отрядов особого назначения, которые действовали в тылу немецких войск на временно оккупированной противником территории.

В январе 1942 года Особая группа была преобразована в 4-е управление НКВД–НКГБ, которым руководил генерал Судоплатов. Для проведения операций в тылу немецких оккупантов в октябре 1941 года приказом наркома НКВД сформированные Особой группой отряды особого назначения были сведены в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения в составе двух полков. Командиром ее 1-го полка был назначен полковник Гриднев. Он проводил большую работу по подготовке и заброске в тыл врага разведывательно-диверсионных отрядов и групп.

13 августа 1942 года В.В. Гриднев стал командиром бригады (приказ по НКВД СССР № 3233) и занимал эту должность до ее расформирования в октябре 1943 года.

В годы Великой Отечественной войны более 14 тысяч оперативных работников и воинов-чекистов, в том числе 500 иностранцев, сражались в разведывательно-диверсионных группах и партизанских отрядах, сформированных ОМСБОН. В тылу противника действовало 2200 оперативных отрядов и групп. Диверсионно-разведывательные подразделения НКВД уничтожили 230 000 гитлеровцев, подорвали 2800 вражеских эшелонов с живой силой и техникой, добывали важную военную, стратегическую и политическую информацию.

В ноябре 1943 года Гриднев снова оказывается в Монголии. Теперь он – советник министра внутренних дел Монгольской Народной Республики. 17 ноября 1944 года постановлением СНК СССР ему присваивается воинское звание генерал-майор. В Монголии Гриднев находился до января 1949 года. Принимал участие в войне с Японией.

Вячеслав Васильевич душой прикипел к этой стране и ее народу. Монгольские друзья платили ему за его помощь признательностью и любовью. За ним прочно закрепился неофи-

специальный титул: «Друг монгольского народа – чекист Гриднев». В 1984–1988 годах, работая в Улан-Баторе заместителем представителя КГБ СССР при министерстве общественной безопасности МНР, я был свидетелем проявления любви монголов к генералу Гридневу. В музее министерства общественной безопасности МНР ему посвящен специальный стенд: большая фотография Вячеслава Васильевича в форме генерала монгольской армии с эполетами, его биография, фотографии с монгольскими офицерами и наградной пистолет. Тепло и проникновенно говорили о Вячеславе Васильевиче монгольские экскурсоводы.

Возвратившись в Москву в январе 1949 года, Гриднев становится начальником одного из отделов Комитета информаций при СМ СССР (так тогда называлась внешняя разведка).

В феврале 1950 года его назначают начальником Высшей разведывательной школы органов госбезопасности. На этом посту Вячеслав Васильевич проработал десять лет, отдавая подготовке молодых разведчиков много сил и энергии.

В сентябре 1960 года вышел в отставку по состоянию здоровья.

За большие заслуги в деле обеспечения государственной безопасности генерал-майор Гриднев был награжден орденами Ленина и Октябрьской Революции, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны 1-й степени, многими медалями, а также тремя орденами и многими медалями МНР.

5 января 1991 года Вячеслав Васильевич Гриднев скончался. Он прожил долгую жизнь – 92 года – и до последних дней сохранял связь с внешней разведкой.

М.А. Аллахвердов

Биография видного советского разведчика Михаила Андреевича Аллахвердова во многом перекликается с биографиями большинства чекистов – ровесников XX века, которые жили и трудились в наиболее бурный период новейшей истории нашей страны, вместивший в себя величайшую социальную революцию, рождение новой массовой идеологии, сопоставимой с религией, Гражданскую и Великую Отечественную войны, невероятный размах научно-технического прогресса, изменение морально-нравственных устоев, преобразовавшее вековые представления о добре и зле.

Михаил Аллахвердов родился 14 ноября 1900 года в семье армянина, торговца лесом в нагорно-карабахском городе Шуша (Степанакерт). Учился в гимназии в Андижане.

В 1918 году вступил добровольцем в Красную армию. В составе 3-го Туркестанского стрелкового полка участвовал в боях с басмачами. В начале 1919 года окончил педагогические курсы и преподавал в гимназии.

В конце 1919 года Аллахвердов был рекомендован на работу в органы ВЧК. С 1920 года член РКП(б). Принимал непосредственное участие в борьбе с бандитизмом в Средней Азии (Ош, Фергана).

В июне 1921 года Михаил Аллахвердов – заместитель начальника Особого отдела Памирской военно-политической экспедиции – направляется на установление советской власти на Памире. В течение полутора лет он вел борьбу с басмачеством и английской агентурой, засылаемой из Афганистана. Выполнял ответственные задания руководства ГПУ, проявляя при этом высокое чувство долга, большое мужество и выдержку.

В 1923 году, как хорошо зарекомендовавший себя сотрудник местных органов госбезопасности, имевший опыт практической работы в Средней Азии, Аллахвердов был переведен на работу в Восточный отдел ОГПУ в Москве. И в 1925 году окончил заочное отделение Восточного факультета Военной академии РККА. Владел армянским, узбекским, персидским, турецким, французским и английским языками.

В 1925 году Аллахвердов был направлен в долгосрочную командировку в Персию (с 1935 года – Иран). До 1928 года являлся оперативным работником резидентуры под дипломатическим прикрытием секретаря советского консульства в Керманшахе. В 1928 году он возглавил резидентуру внешней разведки в Персии. В этой должности работал до середины 1930 года.

С 1930 по 1933 год работал в центральном аппарате разведки.

С приходом Гитлера к власти в Германии и обострением обстановки в этой стране руководство внешней разведки принимает решение о направлении Аллахвердова на нелегальную работу в Европу. В 1933–1934 годах он возглавлял нелегальные резидентуры в Австрии (Вена), Швейцарии (Цюрих) и Франции (Париж).

В середине 1934 года Аллахвердов назначается «легальным» резидентом внешней разведки в Афганистане, а в 1936 году –

в Турции. С 1938 по 1941 год работал в центральном аппарате внешней разведки.

С началом Великой Отечественной войны Аллахвердов вновь становится резидентом внешней разведки в Афганистане. В этой должности он проработал до декабря 1943 года. Под его руководством резидентура советской внешней разведки в Кабуле раскрыла сеть германской агентуры и, в тесном взаимодействии с британской разведкой, парализовала деятельность германских, японских и итальянских спецслужб в этом регионе (операция «Мародеры» – так в оперативной переписке с Центром называлась агентурная сеть германской разведки, действовавшая в военные годы в Афганистане). В результате объединенных усилий советской и британской разведок удалось предотвратить подготавливаемый нацистами переворот и введение германских войск в Иран и Афганистан.

7 декабря 1943 года был подписан приказ о создании в составе Первого управления НКГБ (внешняя разведка) информационного отдела (ИНФО). Его возглавил Михаил Аллахвердов. Свидетельством признания роли ИНФО и заслуг его начальника было присвоение Аллахвердову в 1945 году редкого тогда для сотрудников внешней разведки воинского звания генерал-майор. Он возглавлял информационный отдел внешней разведки до конца 1947 года.

В ноябре 1947 года Аллахвердов был назначен заместителем начальника Высшей разведывательной школы по учебной и научной работе. В этой должности он проработал вплоть до своего ухода в отставку по болезни в апреле 1955 года.

Видный советский разведчик генерал-лейтенант Вадим Алексеевич Кирпиченко, который учился у Аллахвердова в Высшей разведывательной школе, в своих мемуарах писал: «Михаил Алексеевич был, если так можно выразиться, интеллектуалом от разведки».

За достигнутые результаты в разведывательной деятельности генерал-майор Аллахвердов был награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени, «Знак Почета», многими медалями, а также нагрудным знаком «Заслуженный работник НКВД».

Скончался Михаил Андреевич 30 декабря 1968 года.

1 сентября 1950 года начались занятия. Подъем в 7.00. С 7.45 до 8.30 — завтрак. С 9.00 до 15.00 — занятия. Обед. Отдых. С 17.00 — самоподготовка. Два раза в неделю демонстрировались лучшие советские и иностранные фильмы. Часть из них — на иностранных языках. В субботу в 16.00 выезд в Москву на свидание с семьей. Возвращение в понедельник к 8.30.

Первая лекция. Михаил Андреевич представляет нам седовласого шестидесятилетнего полковника, напоминавшего внешностью Константина Станиславского, только без пенсне: «Евгений Петрович Мицкевич. Разведчик-нелегал, долгое время работал в Германии, Италии, Англии, США и Китае. Сейчас — руководитель кафедры специальных дисциплин. Евгений Петрович познакомит вас с программой курса. Желаю успеха».

Е.П. Мицкевич (*из опертивной справки*)

Родился 24 декабря 1893 года в Ровенской губернии в крестьянской семье. В годы Гражданской войны командовал полком. За активное участие в ликвидации бандформирований в Белоруссии был награжден орденом Красного Знамени.

В 1924 году окончил экономическое отделение Московского университета и был принят на работу в Иностраннный отдел ОГПУ (внешняя разведка).

В 1925 году направлен на нелегальную работу в Германию. Руководил созданием нелегальной сети в Гамбурге. В ноябре 1927 года выехал в Италию в качестве руководителя римской нелегальной резидентуры. И, после кратковременного пребывания в Центре, в 1931 году командирован в Великобританию по линии нелегальной разведки. В 1932 году, после восстановления дипломатических отношений между СССР и Англией, возглавил «легальную» резидентуру в этой стране.

Резидентуре приходилось работать в очень сложных условиях. Несмотря на это, руководимому Мицкевичем коллективу разведчиков удалось добиться значительных результатов в вербовочной работе и заложить основы для приобретения перспективной агентуры, от которой впоследствии поступала ценная информация, в том числе — документальная, по всем интересующим Центр политическим проблемам.

В 1934 году Мицкевич направляется в служебную командировку в США, а затем — в Китай для организации нелегальной

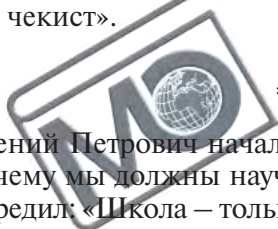
разведывательной работы против Японии и антисоветской бело-гвардейской эмиграции в Маньчжурии. Под его руководством была создана оперативная группа, предотвратившая деятельность белогвардейских вооруженных формирований с территории Китая против СССР. После успешного выполнения заданий Центра в Китае Мицкевич в 1937 году вновь возвратился в США и более года возглавлял там нелегальную резидентуру.

С началом Великой Отечественной войны руководил одним из отделов центрального аппарата разведки. В 1944 году направлен в Италию для восстановления нелегальной резидентуры. За короткий срок сумел создать группу разведчиков-нелегалов, снабжавшую Центр важной политической и научно-технической информацией.

С 1948 по 1953 год Мицкевич являлся начальником кафедры в Высшей разведывательной школе КГБ.

Вышел в отставку в 1953 году. Скончался в 1959 году.

За плодотворную деятельность по обеспечению государственной безопасности нашей страны полковник Мицкевич был награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны 1-й степени и Красной Звезды, многими медалями, а также нагрудным знаком «Почетный чекист».

* * *

Евгений Петрович начал нам рассказывать, что такое разведка, чему мы должны научиться за десять месяцев, и тут же предупредил: «Школа – только подготовительный класс. Учиться разведке приходится всю жизнь – ежедневно и ежечасно, до отставки. А разведчик в отставку не уходит. Подумайте над этим!»

Во время учебы на первом месте у нас были, конечно, специальные дисциплины. Занятия по малопонятным и тогда еще таинственным для нас проблемам были на редкость интересными. Мы понимали, что ни в одном другом учебном заведении этому не учат, и это повышало чувство ответственности и собственной значимости.

Лекции часто носили характер бесед. Преподаватель, сформулировав общие положения, подкреплял сказанное примерами из практики, доходчиво раскрывая суть и технологию таких разведывательных операций, как вербовка агентуры и правила

работы с ней, использование в разведывательных целях связей по прикрытию, получение информации «втемную», из открытых источников. На семинарах мы разбирали различные оперативные ситуации. Интересны были и беседы о работе советских представительств за рубежом, об отношении между разведчиками и сотрудниками МИДа и других ведомств.

Нам был прочитан содержательный курс по информационно-аналитической работе в разведке, по выявлению наружного наблюдения — непростой и крайне необходимой науки для разведчика. После курса лекций по методам выявления наружного наблюдения были практические занятия в городе. Позже, работая за границей, мы не раз добрым словом вспоминали наших наставников.

Дипломатическую практику у нас вел Александр Антонович Трояновский, старый большевик, член РСДРП с 1904 года. Многие годы он занимался дипломатической и преподавательской деятельностью. Был послом СССР в Японии и США. Трояновский отличался цепкой памятью, ясностью суждений, умением найти и донести до сознания слушателя то главное, что может помочь не совершать ошибок в будущей разведывательной и дипломатической работе. Он рассказывал нам не только об удачах, но и о промахах, совершенных им лично и его коллегами.

Трояновский часто говорил, что дипломаты и разведчики — люди, которым необходимо гораздо больше самых разнообразных знаний. Они должны быть психологами и аналитиками, способными находить нестандартные решения возникающих проблем. От них требуется абсолютная преданность делу, аккуратность, конспиративность. Мы смотрели на этого внешне немощного человека и удивлялись силе его духа.

Помимо преподавателей с нами много работали сотрудники оперативных отделов разведки, в том числе и руководящие. Они рассказывали об оперативной обстановке в различных странах, условиях и возможностях работы по линии разведки, щедро делились своим опытом.

Запомнились беседы разведчика-нелегала Исхака Абдуловича Ахмерова. До 1934 года он работал с нелегальных позиций в Турции и Китае, а затем дважды выезжал на нелегальную работу в США. В годы Великой Отечественной войны возглавлял нелегальную резидентуру, которая добывала документы, содержащие оценки американских аналитиков военно-промышлен-